

Осторожно: сионизм!

ОСТАНОВИТЬСЯ,
ОГЛЯНУТЬСЯ

Перед встречей с этим человеком я знал лишь о том, что он добивался выезда всей семьей в Израиль. Что влекло его в далекую, не известную ему страну, где нет ни одного близкого родственника! Мне захотелось узнать об этом из первых уст.

На предложение поговорить по душам Владимир Вениаминович Браиловский откликнулся вопреки ожиданиям охотно. Мне показалось даже, что он сам уже не первый день искал предлог для подобной встречи, но все никак не мог решиться на нее. Могилевский драматический театр, где он работает заведующим музыкальной частью, готовился к гастролям, программа была отработана, и мы смогли без ущерба делу уединиться на полтора—два часа.

Прошу В. В. Браиловского рассказать о себе, о том, как и когда решился он оставить Родину и что уберегло от трагической ошибки.

«Родился я в Москве, в 1947 году. Отец — пианист. Участвовал в Великой Отечественной войне, перенес блокаду Ленинграда. Мать окончила фармацевтический институт.

Среди наших родственников было много интересных, заслуженных людей, как говорится, верой и правдой служивших всегда Отечеству. Среди братьев отца, например, один — большевик, член революционного правительства в Махачкале; другой — композитор, погиб на фронте, защищая Родину от фашистов, его имя занесено на мемориальную доску Союза композиторов СССР в Москве; третий — скульптор.

До шестилетнего возраста я жил с родителями в Сибири — отец помогал создавать в Кемерово музыкальное училище. Умер он рано, в семье сложилось трудное материальное положение, и мать отдала меня в школу-интернат. Увлечен музыкой, играл в духовом оркестре, стал сам сочинять пьесы. Убедившись, что у меня есть способности и желание заниматься музыкой серьезно, мать написала в Москву, в Центральную музыкальную школу при консерватории. Меня внимательно выслушали и приняли, хотя всех необходимых документов с собой не было.

Жил в интернате, на полном государственном обеспечении. Преподаватели, воспитатели относились к нам, как к родным. И хотя мы доставляли им немало хлопот и огорчений, не помню, чтобы меня или кого-нибудь из моих друзей обидели, оскорбили. И уж, конечно, не чувствовал никаких ущемлений из-за того, что я — еврей. За успехи в учебе меня послали в пионерский лагерь «Орленок» на Черное море, хотя в то время путевки туда были большой редкостью.

После окончания школы поступил в консерваторию. Учился семь лет — на два года дольше, чем положено. Потому что, занимаясь на отделении духовых инструментов, еще больше увлекся сочинением музыки и попросился на композиторское. Мне пошли навстречу. Я знаю, что государство тем самым потратило на мое образование дополнительные средства. И немалые.

Когда закончил консерваторию, попросил распределить во Фрунзе, где работала моя жена. Был преподавателем Киргизского института искусств, много писал. В 1975 году получил вторую премию на республиканском конкурсе, посвященном 30-летию Победы. Через год вступил в Союз композиторов СССР. В 28 лет стал заведовать кафедрой института, был секретарем Союза композиторов республики. Полу-

чил хорошую государственную квартиру.

Семья ни в чем не испытывала недостатка. Почти все мои произведения покупались и хорошо оплачивались. Меня ценили по отношению к работе, по таланту — национальность никакой роли не играла. Я писал ту музыку, которая была ближе, понятнее мне. Насколько я знаю, ни в одной из капиталистических стран нет такой свободы творчества.

Словом, жизнь моя во всех отношениях складывалась удачно. Я считал себя и свою семью счастливыми. Но вот однажды...

Здесь я прерву своего собеседника. Потому что последовательно изложить его конфликты с людьми, отдельные обиды и порождаемые ими подозрения просто невозможно. Кого-то он сгоряча характеризовал неслесными словами, кто-то грубо ответил ему. Остановиться бы в тот момент, оглянуться, постараться хладнокровно оценить свои слова и поступки. Но...

— Не хватило житейской мудрости, — признает теперь сам В. В. Браиловский.

На очередном съезде молодого композитора не избрали в правление республиканского творческого союза. Думается, ничего предосудительного в этом не было. Его по-прежнему уважали и ценили. Его романсы звучали в программе Съезда Союза композиторов СССР в Москве, что было большой честью даже для маститых авторов. Но В. В. Браиловский расценил свою отставку чуть ли не как трагедию и в порыве отчаяния, для которого не было достаточных оснований, подал заявление об уходе из института по собственному желанию...

Анализируя его дальнейшие поступки, нельзя не заметить, как Владимир Вениаминович совершил своего рода подлог.

Ему указывали на отдельные недостатки, а он считал, что отвергает вся его работа.

Его упрекали за отдельные негативные проявления характера, а ему казалось, что его не принимают как личность.

Отношения не ладились с отдельными людьми, а он копил обиду на все общество, забыв при этом обо всем, что сделал для него государство.

Каждый человек в нашей стране — кузнец своего счастья. Это — правда. Любой из нас, независимо от социального положения и национальности, может получить образование, выбрать себе профессию по душе и работать в соответствии с ней, имеет возможность творить и дерзать.

В то время как миллионы юношей и девушек в капиталистических странах вступают в

самостоятельную жизнь, ориентируясь не на собственные мечты и желания, а на кошелек родителей. Если он тощ (а только в США более 35 миллионов человек имеют доходы ниже официально установленной «черты бедности»), то не приходится рассчитывать на престижное учебное заведение и профессию по вкусу. Впрочем, даже те, кто ценой больших материальных жертв добивается заветного диплома, нередко вынуждены начинать свой трудовой путь с ежедневного посещения биржи труда в надежде получить хотя бы какое-нибудь временное занятие.

В. В. Браиловскому, как и любому другому советскому человеку, не пришлось пережить этих мучительных и унижительных испытаний благодаря тому, что социалистическое государство обеспечило (и юридически, и экономически) равные права для всех.

Как мог он забыть об этом! И что рассчитывал получить взамен?

Думаю, В. В. Браиловский и сам не раз уже задавал себе этот вопрос.

«Теперь я убедился, — говорит он, — что сионистская пропаганда очень тонко ведет свою подлую игру. Утаивая истинное положение дел в Израиле, представляет его мифическим раем. Получая через различные отщепенцев информацию о временных жизненных неурядицах тех или иных советских людей еврейской национальности, льет крокодиловы слезы об их судьбе, не жалеет лицемерных слов для сочувствия. В какой-то момент, потеряв чувство реальности, поверил сионистским зазывалам и я.

Но дурман этот быстро прошел. Нескольким лет назад моя семья переехала на постоянное место жительства в Могилев. Здесь у меня интересная работа — заведу музыкальной частью в театре, пишу музыку к спектаклям. Являюсь председателем областного клуба самодеятельных композиторов. Жена также занимается любимым делом. Никто никогда не вспоминает мне о моей ошибке. Забылась обида. Ко мне вновь вернулось вдохновение — а это верный признак подлинного счастья.

Распознать подтекст сионистской пропаганды помогли мне друзья и письма очевидцев западного «рая», которые приходилось читать. Среди них и один из моих дальних родственников. В прошлом способный музыковед, имевший печатные работы, он выехал в Израиль, оттуда в США. Ему пришлось забыть и о своей профессии, и о творчестве — для этого просто нет условий. С большим трудом устроился бухгалтером и считает, что ему здорово повезло.

Теперь я окончательно понял, что стоял перед пропастью. Еще один необдуманный шаг — и все, что мне бесконечно дорого и близко, оказалось бы навсегда потерянным.

Подталкивали к гибели меня именно сионисты. Причем подталкивали сознательно — потому что счастливая судьба евреев, живущих в социалистических странах, разоблачает лживые утверждения о «вечно существующем антисемитизме» и другие сионистские мифы, препятствует осуществлению агрессивной экспансионистской политики Израиля и его западных благодетелей.

...Я видел, как непросто было моему собеседнику согласиться на публичный рассказ о его жизни. Ворошить старые раны всегда больно. Но он понял, что этот шаг необходим. И для него самого — чтобы навсегда отрешиться от допущенных ошибок. И для других — для тех, кому, быть может, тоже необходимо остановиться, оглянуться...

И. ОСИНСКИЙ.
(БЕЛТА).